

КАША ИЗ ТОПОРА

Давно ли это было, недавно ли, но шёл как-то один солдат – скажем, Бровкин, – с далёкой ещё корейской войны. Пришёл он на один хутор и говорит хозяйке – божьему одуванчику:

– Здравствуй, добрая хозяйюшка! Дай-ка мне чё-нить поесть.

И получил в ответ:

– Вот на гвоздике повесь!

Дело в том, что старуха та была не божьим одуванчиком, а што ни на есть, каргой, склонной к фольклорному творчеству.

– Аль ты глуха, не чуешь?

– А вот, где хошь, там и заночуешь!

– Ах ты, старая ведьма! – раскусил её солдат. – Вот я те глухоту-то вылечу! – и хрясь кулаком об стол по своей военной привычке.

Старуха струхнула и сменила свой фольклор на жалобный тон:

– Да неча у меня поисть, милай!

– Да кашу свари, мне и хватит!

Тут ужо Бровкин смекнул, што нахрапом не возьмёшь – опять же из своего военново опыта.

– Давай топор, я сам из топора сварю!

«Што за диво! – думает баба. – Кубыть, надо бы поглядеть, как он из топора кашу сварит, можа самой пригодиться». Принесла топор; солдат положил ево в горшок, налил воды, поставил в печь и довёл до кипения. Поварил, попробовал и говорит:

– Всем бы каша взяла, тока б малую толику крупы подсыпать!

Ведьма принесла ему крупы. Бровкин поварил её, попробовал и говорит:

– Совсем бы готово, тока б маслом сдобрить!

Ведьма вынесла ему масла. Бровкин снова поварил и говорит:

– Ну, старуха, теперь подавай хлеба да соли, да принимайся за ложку: станем мою кашу есть!

Похлебали вдвоем кашу. Старуха заглядывает в горшок и спрашивает:

– Служивый! А топор када ж будем есть?

– Да, вишь, он не уварился, – отвечал Бровкин, – где-нить на дороге доварю да позавтракаю!

Обтёр топор, спрятал в вещмешок, распростился со старухой и пошёл себе дальше.

Обрётённый опыт солдат Бровкин развил: варил потом каши из «калаша» и даже из гранатомёта. Настолько поднаторел, што перешёл к системе «Град» и замахнулся уже на установку «Бук». Однако с последней неувязочка вышла: каша перегорела и дело дошло аж до международново гаагсково трибунала.